

ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

З.Н. Малиева

Термины родства во многом определяют специфику национально-языковой картины мира, так как отражают способы восприятия и категоризации окружающей действительности через призму семейно-родственных отношений. В каждой культуре установились собственные принципы наименования родных и свойственников, связанные не только с лексико-грамматическими особенностями языка, но и с историко-культурным опытом народа. Сопоставление терминов родства на материале русского и осетинского языков позволяет выявить различия и сходства в их структуре, семантике, правописании, а также в способах формирования новых лексических единиц. Данное исследование имеет научно-практическую ценность как для лингвистов, занимающихся вопросами типологии и этимологии, так и для педагогов, переводчиков и филологов, работающих на стыке двух культур. В условиях двуязычия, сохраняющегося в отдельных регионах Северного Кавказа, проблема корректного употребления терминов родства особенно важна: неверное или неточное их использование может исказить смысл сообщения, а в некоторых случаях и привести к культурным недоразумениям.

Ключевые слова: термины родства, национально-языковая картина мира, осетинский язык, русский язык, лингвокультурология, двуязычие, сопоставительный анализ.

Для цитирования: Малиева З.Н. Термины родства как элемент национально-языковой картины мира (на материале русского и осетинского языков) // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С.122-129. DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.012

Поступила в редколлегию: 22.09.2025 г.

В парадигме современных лингвистико-культурологических исследований все более отчетливо артикулируется тезис о неразрывной корреляции формирования национально-языковой картины мира с историко-этнокультурной динамикой социума. В этом контексте лексико-семантическое поле терминов родства функционирует как маркер глубоинной аксиосферы этноса, аккумулируя трансгенерационные когнитивные матрицы, репрезентирующие элементы коллективной культурной памяти. Родственные номинации, обладая потенциалом эксплицировать социально-антропологические доминанты, становятся языковыми репрезентантами как архаических, так и трансформирующихся моделей социальной стратификации: патрилинейности, матрилинейности, бинарных гендерных диспозиций, института расширенной семьи и иных конфигуративных форм.

На материале сопоставительного анализа русской и осетинской языковых систем выявляется асимметрия в степени сохранности и актуализации терминологических дихотомий, отражающих родственные связи. Так, в русской лингвокультуре прослеживается тенденция к семантической редукции и обобщению номинативных единиц, что проявляется, в частности, в обретении универсального статуса лексемой «дядя», утратившей некогда четко разграничительные функции, характерные для древнерусского лексикона. В осетинском же языке наблюдается устойчивость к подобной редукции: прецизионная дифференциация по линии отцовской и материнской принадлежности сохраняет нормативный статус, а категориальные признаки терминов родства манифестируются как неотъемлемые элементы структурирования социокультурного пространства.

В целях демонстрации семиотической спецификации родственных номинаций в обоих языках уместно обратиться к фольклорно-нарративному материалу как к источнику культурно-языковых архетипов. В частности, в русском сказочном дискурсе («Морозко») регистрируются номинации, актуализирующие статусные роли внутри семейного микросоциума: «мачеха», «сестрица», «батюшка». Лексема «батюшка» маркирует фигуру па-

терналистского авторитета, одновременно выступая инструментом сакрализации семейной иерархии. В осетинской речевой традиции аналогичная роль концептуализируется через интенционально маркированную синтаксемную конструкцию с включением притяжательной частицы, указывающей на сакрально-иерархическую принадлежность: *мæ фыды хай* (букв. «часть моего отца»). Такая номинативная стратегия выполняет функцию дискурсивного конденсата уважения, интегрированного в структуру межпоколенческой коммуникации и осмысления авторитетной фигуры.

В семиосфере русскоязычного ономазиологического пространства родственные номинации демонстрируют высокую степень этимологической архаизации, укорененной в праиндоевропейской лексической парадигме. Лексема «мать» восходит к реконструированному праиндоевропейскому архетипу «*māter*», инварианту, ставшему исходной семой в ряде индоевропейских языков: латинском *mater*, немецком *Mutter*, английском *mother*. Сопоставление русской лексемы «мать» с ее осетинским коррелятом *мад* обнаруживает устойчивую этимологическую изоморфность, подтверждающую наличие глубинного корнесловного единства, репрезентирующего дораспадную стадию индоевропейской макросемьи [1, 35].

На морфологическом уровне номинация родственных отношений в русском языке реализуется посредством активизации префиксально-суффиксальной деривации. Термины «пращур» (пра + щур), «правнук» (пра + внук), а также синтетическая конструкция «прапрадедушка» (пра + прадедушка) демонстрируют кумулятивную префиксальную компрессию. Слово «прапрабабушка», в свою очередь, эксплицирует множественность поколенческой ретроспекции через линейное удвоение деривационного префикса. Несмотря на потенциальную экспоненциальность формантного накопления, лексическая структура подобных конструкций сохраняет восприятие языковым сознанием как стилистически нейтральная и прагматически допустимая единица, интегрированная в нормативный синтаксический и дискурсивный обиход.

В осетинской языковой системе доминирующим механизмом экспликации вертикальных родственных связей выступает синтагматически реализуемая описательная репрезентация с использованием анафорической редупликации номинативных единиц. Так, конструкция *фырты фырт* (букв. «сына сын») реализует категориальную отсылку к потомку второго поколения, аналогично как *мады мад* – к материнской линии. Углубление генеалогической ретроспективы имплицитно подразумевает множественное наращивание компонентов конструкции, в результате чего формально возможно теоретически неограниченное повторение базовой лексемы с сохранением неизменной морфосемантики. Однако с прагматической точки зрения подобная линейная прогрессия сопряжена с рисками избыточной структурной громоздкости, что компенсируется использованием аналитических синтаксемных конструкций типа *уай байзæддаг цыппорæм фæлтæры* – «его потомок в таком-то поколении», обладающих высокой степенью эвиденциальной точности при минимальной формальной избыточности. Как указывает Е. Б. Бесолова, «отношения родства по боковой линии выступают лица, находящиеся в кровном родстве через общего предка – братья и сестры, дяди, тети и племянники. В целом же, терминология родства связана с нормами семейно-брачных отношений и с особенностями социальной организации осетин» [2, 68].

Подобная текстуальная стратегия номинации соотносится с культурной парадигмой родословного самопозиционирования (*æрвад*), при котором каждый лексический элемент воспринимается как интерактивный маркер преемственности. Примечательно, что в русской традиции номинации старших по поколенческой вертикали подвержены деривационной ласкательности: «дедуля», «бабуся», «бабулечка», тогда как в осетинском социолекте обращенческие формы *деда* и *нана* могут функционировать как инварианты для «отца» и «матери» соответственно в архаических и диалектных регистрах. При этом актуализация русифицированных форм типа *деду*, *бабу* в лексиконе современной молодежи воспринимается как девиация, снижающая уровень лингвокультурной идентичности и нарушающая традиционную сочетаемость понятийного аппарата.

В онтологической структуре родственных реляций особую семантическую и прагматическую специфику представляет терминологизация так называемых боковых связей,

то есть номинаций, обозначающих родство вне линии прямой восходящей или нисходящей генерации. В русскоязычном лексиконе лексемы «дядя» и «тетя» функционируют как омнисемантические маркеры родственных отношений, лишенные дифференциации по матрилинейному и патрилинейному вектору. Такая редукция семантической точности компенсируется культурной аккомодацией и прагматической ненапряженностью внутри социума, в котором отсутствует императивная потребность в разграничении подобных связей. Однако в случае интерлингвального трансфера, особенно в направлении «русский–осетинский», возникает семиотически значимый лакунарный пробел: переводческая практика вынуждена сталкиваться с необходимостью выбора между, например, *фыды фсымæр* (брат отца) и *мады фсымæр* (брат матери), либо *фыды хо* (сестра отца) и *мады хо* (сестра матери). При отсутствии эксплицитного контекста переводческая стратегия склоняется либо к вставке интерпретационного уточнения, либо к применению нейтрализованного эквивалента, как *хæстæг* (родственница), что, в свою очередь, нивелирует культурно-историческую маркерность исходного дискурса. Иллюстративным примером может служить фольклорный нарратив «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», где номинация «тетушка» не предполагает дихотомии по линии происхождения, и, соответственно, в осетинском переводе требует либо семантической конкретизации, либо компромиссной номинации с утратой ономаσιологической точности.

Прецедентный случай подобной интерлингвальной сложности приводится у Н.Т. Едзиевой, где при адаптации англоязычного персонажа «Дяди Скруджа» в финский язык была допущена номинативная ошибка: вместо корректного *eno* (дядя по материнской линии) использовано *setä* (по отцу), аналогичная ситуация наблюдается в шведском: *Farbror Joakim* вместо нормативного *Morbror Joakim* [3, 107–108].

Отдельного рассмотрения требует терминологическая подсистема свойственно-брачных отношений, где номинации типа «муж», «жена», «зять», «невестка», «тесть», «свекровь» выступают как лингвистические рефлексии социокультурных паттернов института брака. В русском языке лексемы «муж» и «жена» представляют инварианты древней праславянской традиции, укорененные в базовом лексиконе. Осетинский язык, напротив, репрезентует множественность вариантов: *лæг* (букв. «мужчина»), *усгур* (жених, будущий муж), и экзальтированное *сары хицау* («хозяин головы»), при этом прагматически маркированная конструкция *мæ лæг* воспринимается как фамильярная и замещается более нейтральными синтаксемами: *нæ лæг* или *мæ хæр зæрдæг*. Номинация «жена» реализуется через *ус* (женщина) либо *бинойнаг* (букв. «введенная в дом»), что репрезентирует ритуальную семантику инкорпорации в домостроевую структуру.

Внутриязыковая и межъязыковая динамика функционирования терминов родства в осетинском лингвокультурном континууме обнаруживает феномен перманентной аккультурации, выражающейся, в частности, в адаптации и интеграции иноязычных номинативов в обиходно-семейную сферу. Так, русская лексема «хозяйка», подвергшаяся фонетической адаптации в форме *хозяйкаæ*, приобретает статус функционального синонима лексемы «супруга», но с эксплицитной семантической доминантой – управленческой, хозяйственной субъектности женщины как носительницы сакрального института очага. Подобная трансформация ономаσιологической модели сопряжена с формированием амбивалентного восприятия: с одной стороны – лексическая актуализация традиционно феминного социального кода, с другой – эрозия исконной семантики под натиском кросс-культурного влияния. Это вызывает острые дискуссии в среде педагогов и лингвистов, апеллирующих к необходимости консервации национально-языкового наследия в условиях постглобалистской гомогенизации.

К числу инвариантных элементов осетинской этнолингвокультурной картины мира принадлежат и формы высокоэкспрессивного вежливого обращения к старшим кровным родственникам, обладающие высоким прагматическим потенциалом и структурно реализуемые через аналитические конструкции типа *мæ фыды хай* («часть моего отца»), *мæ мады хай* («часть моей матери»). Эти синтаксемы выполняют функцию не только денотативной отсылки к родственному субъекту, но и ритуальной герменевтики почтения, укорененной в нормативной системе взаимоуважения поколений. В русской лингвистической традиции подобные конструкции реализуются через деривационные ласкательно-умень-

шительные формы: «батюшка», «матушка», «дедушка милый», актуализирующие эмоциональную тональность, но лишенные описательной глубины, типичной для осетинской традиции.

Трансформация указанных форм в современном осетинском дискурсе свидетельствует о процессе латентной эрозии традиционных формул в результате интерференции с русским языком и глобалистскими тенденциями. Как результат – вытеснение исконных форм и появление гибридных конструкций с пониженной культурной экспрессией.

Именно терминосистема родства репрезентирует глубинный уровень культурной памяти, функционируя как семиотическое ядро этнической идентичности. В то время как русская система претерпела элиминацию ряда архаических форм (например, «уй», «стрый», «вуй»), осетинская сохранила высокую степень дихотомической прецизионности, особенно в боковых родственных линиях и в рамках вежливого протокола обращения.

Тем не менее, в русской системе сохраняются глубоко этимологизированные лексемы со значительным культурным весом, как, например, «сват», «свахи» и прочие элементы, репрезентирующие архаическую модель родства, укорененную в народных традициях.

Наиболее остро проблема трансфера проявляется в практике художественного и этнографического перевода. Так, при адаптации русских текстов на осетинский язык неизбежно возникает необходимость конкретизации терминов типа «дядя» и «тетя» – выбор между *фыды фсымаер* и *мады фсымаер* обусловлен как прагматикой, так и жанровой спецификой. Аналогично, при обратном переводе наблюдается вынужденная децентрализация синтаксиса через инкорпорацию перифрастических конструкций: «дочь дедушки по материнской линии» и пр., что порождает контраст между компактной структурой оригинала и эксплицитной гипертрофией перевода.

В рамках билингвального образования задача педагога-лингвиста заключается в выстраивании методологического мостика между структурной адекватностью и культурной достоверностью, что требует как системной презентации всех деривационных моделей, так и стимулирования ценностного восприятия лингвокультурной дифференциации терминов родства.

В условиях трансформирующейся социокультурной парадигмы, обусловленной интенсификацией процессов глобализации, урбанизации и миграционных смещений, наблюдается отчетливая девальвация автохтонных номинативных практик в осетинском лингвокультурном пространстве. Преобладающее экспонирование русского языка как доминантного коммуникативного кода в урбанизированной осетинской среде способствует редукции традиционных родственных номинаций до пассивного уровня языкового сознания, что обостряет необходимость их методологически обоснованной реактивации в рамках педагогического дискурса. Учитывая диахронический сдвиг в сторону лексической эрозии, педагоги-осетиноведы фиксируют потребность в комплексных методиках по формированию чувства лингвокультурной нормы – особенно в сфере описательных конструкций, соотносимых с ритуально-обычаявыми практиками. Распространение усеченных форм типа *деду*, *бабу* внутри молодежного сленга требует системной герменевтики: учащимся необходимо демонстрировать различие между этими вариантом и исконными *деда*, *нана*, а также культурно-семиотическую коннотацию, заключенную в фразеологически насыщенных обращениях.

Современная унификация родственных терминов может рассматриваться как бинарная эпистемологическая реальность: с одной стороны, она артикулирует общетипологическую тенденцию к морфологической оптимизации, с другой – инициирует атрофию глубинных аксиологических и эмотивно-семантических пластов. Например, лексема *фыды фсымаер* несет не просто родовую индикацию (брат отца), но и маркирует институционализированный социальный статус как посредника и хранителя внутрисемейной солидарности, функцию которого невозможно транслировать односоставным русским «дядя» без утраты значимой части ментальной нагрузки.

При осуществлении обратного перевода (русско-осетинского), особенно в детской литературе, встает аксиологическая дилемма: ретранслировать ли формулы обращения в их исконной форме (*деда*, *нана*, *стыр мад*), сохраняя фольклорный колорит, или адапти-

ровать их к действующей лингвальной практике посредством русифицированных единиц (*деду, бабу*). В условиях билингвального образования данный выбор становится предметом методологического диспута: приоритет культурной преемственности конфликтует с принципом когнитивной доступности и речевой релевантности.

Актуальное поколение осетинских школьников, особенно проживающее в урбанистических агломерациях, демонстрирует снижение мотивации к оперированию терминологически точной родословной парадигмой. Ввиду этого в дидактике рекомендовано создание целенаправленных симулятивных коммуникативных сценариев, ориентированных на активизацию конструкций типа *фыдыхо / мадыхо* и иных, включающих в себя многоступенчатые номинации родства. Именно через такие упражнения формируется лингвоидентификационный императив и восстанавливается нарушенное семантическое равновесие между традицией и современностью.

Существенные сложности в рамках грамматико-лексической категоризации вызывают номинативные образования типа *усы фыд, усы мад, усы хо, фырты фырт, чызджы фырт, чызджы чызг, фыды хо, мады хо* и пр., в которых наблюдается характерная для осетинского языка синтаксическая бинарность: первый компонент, реализованный в форме существительного в родительном падеже, обозначает предметно-онтологическую принадлежность, а второй – носителя данной принадлежности. При этом в некоторых источниках, в частности у В. И. Абаева, данные единицы представлены в слитном графическом оформлении (*фыдыфыд, мадыхо, мадыфсымаер* и др.), тогда как в «Осетинско-русском словаре» наблюдается непоследовательность: часть единиц фиксируется в слитной графике, часть – вовсе отсутствует [4].

С методологической точки зрения более концептуально аргументированной представляется позиция Н. Я. Габараева, который подчеркивает, что грамматический показатель принадлежности (-ы), эксплицитно маркирующий первый компонент, сохраняется и не утрачивается в конструкции (*усы фыд, усы мад, усы хо* и пр.), следовательно, данные единицы не могут квалифицироваться как сложные слова в морфологическом смысле [5, 74]. Аналогичной точки зрения придерживаются З. Ц. Гаджиева и С. И. Кайтуков, указывающие на функциональную синтагматическую автономность данных компонентов и невозможность их морфологической фузии: «Если имеется в виду двоюродный брат или сестра по отцовской линии, то используются формы *фыды фсымаеры лæппу* (сын брата отца), *фыды фсымаеры чызг* (дочь брата отца); по материнской линии – *мады фсымаеры лæппу, мады фсымаеры чызг, мады хойы лæппу, мады хойы чызг*» [6, с. 10].

Эмпирические наблюдения, проведенные в аграрных и горных районах Северной Осетии, где наблюдается высокая степень традиционалистского уклада, демонстрируют устойчивость функционирования сложных описательных терминов родства, не требующих институциональной поддержки. Здесь аксиологическая значимость родовых связей сохраняется в повседневной коммуникации, где подросток обязан дифференцировать «брат отца» и «брат матери», демонстрируя знание социокультурного происхождения родственников (*æрвад*).

Однако в условиях урбанистического дискурса, характеризующегося высокой степенью социолингвистической редукции, происходит упрощение терминосистемы: лексема *фыды фсымаер* начинает функционировать как универсальный маркер понятия «дядя», приводя к размыванию семантической границы между родовыми линиями. Этот процесс, хоть и отражает закономерную эволюцию языковой системы в диахронической перспективе, вызывает серьезные педагогико-методические вопросы. Следует ли настаивать на обязательной ретрансляции архаической парадигмы в условиях изменяющейся языковой действительности? Или же достаточно транслировать упрощенную, функционально-адаптированную модель?

На основании приоритета сохранения этноязыкового кода и в русле аксиосемантического подхода лингвокультурологи и педагоги консолидируются во мнении, согласно которому необходимо систематическое включение в школьные программы модулей, ориентированных на дескриптивное осмысление и активное освоение традиционных терминов родства и свойства. Данная практика не только способствует восстановлению когнитивных моделей этнического самосознания, но и формирует у учащихся устойчи-

вую установку на преемственность культурных ценностей, в том числе в их языковом выражении.

Концепт отношения к старшим поколениям и когнитивная репрезентация старости как носительства сакрализованных этнокультурных знаний представляют собой ключевую аксиосферную составляющую как русской, так и осетинской ментальности. Однако лексико-прагматические механизмы артикуляции данного отношения демонстрируют существенные структурно-семантические расхождения. В русской языковой парадигме обращения типа «бабушка», «матушка» функционируют как реликтовые формы с высокой степенью эксплицитной позитивной оценки, однако в современной урбанистической речевой практике Центральной России они преимущественно маргинализированы. Осетинская лингвокультурная традиция, напротив, сохраняет продуктивность формул высокой почтительности, таких как *мæ фыды хай* («моя часть отца») и *мæ мады хай* («моя часть матери»), в которых реализуется концепт принадлежности субъекта к фигуре старшего через грамматико-семантическую фрагментацию идентичности. Тем самым речь производит акт символической реинтеграции индивида в иерархически организованную родовую структуру.

Указанная многослойность терминологической системы родства функционирует как квинтэссенция национально-языковой картины мира, инкорпорируя историко-культурные императивы и повседневную ономастическую практику [7]. Проведенный сопоставительный анализ демонстрирует, что русская лингвистическая традиция эволюционировала в сторону морфосемантической экономии и редукции терминов, тогда как осетинский язык сохраняет богатство и дихотомичность описательных конструкций, особенно в отношении бокового родства.

Для лингводидактики и когнитивной прагматики настоящего времени представляется необходимым учитывать как системные различия между языками, так и интенсифицирующееся влияние билингвизма и культурной глобализации. Практические векторы педагогического воздействия должны включать: 1) трансляцию целостного семантико-этнографического понимания образования родственных номинаций; 2) нормативную фиксацию вариантов написания и употребления (особенно в сегменте восходящих и боковых связей); 3) интеграцию в языковое образование этического аспекта, раскрывающего язык как медиатор уважения и статусной репрезентации в родовой структуре; 4) историко-семантическую рефлексию, способствующую сохранности архаических единиц как носителей актуализированного культурного кода.

Таким образом, терминологическая система родства не исчерпывается статусом лексико-семантического инвентаря, предназначенного исключительно для денотативного обозначения субъектов родственно-свойственных отношений, но выступает как онтологически значимая составляющая лингвокультурной ментальной матрицы этноса. Сопоставительный анализ русской и осетинской языковых систем, генетически коррелирующих в индоевропейской макросемье, демонстрирует принципиально дивергентные пути деривационного, прагматического и аксиологического развития, отражающие этапы цивилизационного становления соответствующих социокультурных общностей.

В осетинском языке, несмотря на перманентные кросслингвальные контакты, сохраняется высокая степень семантической прецизионности в зоне терминов бокового родства, а также нормативно закреплённая структура вежливо-описательных обращений, особенно в рамках вертикальных (восходящих и нисходящих) линий. Русская языковая модель демонстрирует, напротив, тенденцию к морфо-семантической универсализации, при этом сохраняя системную деривацию через морфемный конструкт *пра-*.

Для преподавательских, переводческих и лингвистико-аналитических практик указанные особенности представляют собой неотъемлемую компоненту методологической рефлексии. Освоение родственных номинаций способствует не только историко-языковой компетенции, но и глубинному пониманию аксиосемантических ориентиров традиционного общества, его этических кодов и культурной памяти.

1. Бхатти Н.В., Харитонова Е.Ю. Сравнительно-типологический анализ терминов родства в индоевропейских языках (на примере английского, немецкого, русского и урду) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 29–38.
2. Бесолова Е.Б. Акроконцепт родства и свойства (тугхæстæгдзинад æмæ хионты амонæг макроконцепт) в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2013. №9 (48). С. 58–68.
3. Едзиева Н.Т. Сравнительный анализ некоторых терминов родства в русском и осетинском языках (лексико-семантический и словообразовательный аспекты) // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 51 (90). С. 101–114.
4. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. I. 608 с.
5. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 174 с.
6. Гаджиева З.Ц., Кайтукова С.И. Французские и осетинские термины родства: словообразовательный и лингвокультурный аспекты // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2019. № 1 (13). С. 8–14.
7. Осетинско-русский словарь / Под ред. В.В. Бигулаева, К.Е. Гагкаева, Т.А. Гуриева. Орджоникидзе: Ир, 1970. 455 с.

Malieva, Zalina N. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); zalinamaliti@mail.ru

KINSHIP TERMS AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL-LINGUISTIC WORLDVIEW (BASED ON THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES).

Keywords: kinship terms, national-linguistic worldview, Ossetian language, Russian language, linguoculturology, bilingualism, comparative analysis.

Kinship terms largely define the specifics of the national-linguistic worldview, as they reflect ways of perceiving and categorizing reality through the lens of family and kinship relations. Each culture has developed its own principles for naming relatives and in-laws, which are shaped not only by the lexical and grammatical features of the language but also by the historical and cultural experience of the people. A comparative study of kinship terms in Russian and Ossetian makes it possible to identify differences and similarities in their structure, semantics, spelling, as well as in the methods of forming new lexical units. This research has scientific and practical value both for linguists working in the fields of typology and etymology and for educators, translators, and philologists operating at the intersection of the two cultures. In the context of bilingualism, which still persists in certain regions of the North Caucasus, the issue of correct use of kinship terms is particularly important: incorrect or inaccurate usage can distort the meaning of a message and, in some cases, lead to cultural misunderstandings.

For citation: Malieva, Z.N. Kinship terms as an element of the national-linguistic worldview (based on the Russian and Ossetian languages) // Izvestiya SOIGSI. 2025. Iss. 58 (97). Pp. 122-129. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.012

References

1. Bhatti, N.V., Kharitonova, E.Yu. *Sravnitel'no-tipologicheskii analiz terminov rodstva v indoevropeiskikh yazykakh (na primere angliiskogo, nemetskogo, russkogo i urdu)* [Comparative-typological analysis of kinship terms in Indo-European languages (based on English, German, Russian, and Urdu)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2020, no. 2, pp. 29–38.
2. Besolova, E.B. *Akrokontsept rodstva i svoistva (tugkhastdzinad ama khionty amanag makrokontsept) v osetinskom yazyke* [The acroconcept of kinship and affinity ('tughæstægdzinad' and

'khionty amonæg' macroconcept) in the Ossetian language]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2013, no. 9 (48), pp. 58–68.

3. Edzieva, N.T. *Sravnitel'nyi analiz nekotorykh terminov rodstva v russkom i osetinskom yazykakh (leksiko-semanticheskii i slovoobrazovatel'nyi aspekty)* [Comparative analysis of some kinship terms in Russian and Ossetian (lexico-semantic and word formation aspects)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2024, iss. 51 (90), pp. 101–114.

4. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [The Ossetian language and folklore]. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. I. 608 p.

5. Gabaraev, N.Ya. *Morfologicheskaya struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom yazyke* [Morphological structure of the word and word-formation in the modern Ossetian Language]. Tbilisi, Metzniereba, 1977. 174 p.

6. Gadzhieva, Z.Ts., Kaitukova, S.I. *Frantsuzskie i osetinskie terminy rodstva: slovoobrazovatel'nyi i lingvokul'turnyi aspekty* [French and Ossetian kinship terms: word formation and linguistic aspects]. *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* [At the intersection of languages and cultures. Topical issues of the Humanities]. 2019, no. 1 (13), pp. 8–14.

7. Bigulaev, V.V., Gagkaev, K.E., Guriev, T.A. (eds). *Osetinsko-russkii slovar'* [Ossetian–Russian Dictionary]. Ordzhonikidze, Ir, 1970. 455 p.